

СИМВОЛЫ ВОИНСКОЙ ЧЕСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ВОЕННОЙ КАМПАНИИ 1812 г. В ДВОРЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. А. Груцo, г. Минск

Первая в дворянской историографии работа, в которой шла речь о символах воинской славы различных контингентов Великой армии, вышла в свет в 1813 г. Она называлась «Рассуждения о войне 1812 года» и была написана управляющим Особенной канцелярии военного министра полковником Петром Андреевичем Чуйкевичем. Поскольку данное учреждение являлось высшим органом российской военной разведки, то в круг обязанностей П.А. Чуйкевича входило обобщение и анализ разнообразной информации, в том числе о трофеях, захваченных русскими войсками. К их числу относились сведения о безвозвратных потерях неприятеля, а также о пленных генералах, офицерах и рядовых. Отдельно в донесениях из действующей армии указывались данные о захваченных знаменах, пушках и зарядных ящиках. Все эти данные представляли особый интерес, поскольку выступали в качестве объективных критериев, позволявших судить о состоянии боеспособности неприятеля.

Подвергнув поступавшую в Особенную канцелярию информацию такого рода первичной обработке, П.А. Чуйкевич составил сводную таблицу, в которой обобщил и систематизировал потери Великой армии за период с июня по декабрь 1812 года [1, с. 33-53; 4, с. 1—11]. Обращает на себя внимание тот факт, что сведения о трофейных знаменах были поставлены им в сводной таблице на первое место. Тем самым подчеркивалась их особая роль, как критерия позволявшего судить не только об уровне боеспособности, но и о моральном состоянии противника, поскольку утрата символа воинской чести означала полное уничтожение вражеского подразделения, либо его полную деморализацию.

Согласно подсчетам П.А. Чуйкевича, русскими войсками было захвачено 75 знамен различных подразделений Великой армии, но он не приводит никаких данных об обстоятельствах их захвата и принадлежности к конкретным подразделениям Великой армии. То обстоятельство, что трофейные воинские реликвии подразделений Великой армии носят в работе П.А. Чуйкевича общее название «знамена», не позволяет определить, были они полковые, батальонные, эскадронные или же являлись просто значками, напоминающими внешним видом

полотнища настоящих знамен. Кроме того, итоговая цифра о семидесяти пяти трофейных знаменах без учета количества знамен в подразделениях Великой армии на начало военной кампании 1812 г. не позволяет проследить динамику процесса их утраты и выявить факторы, влиявшие на его развитие. К сожалению в работе П.А. Чуйкевича таких цифр нет, равно как и сведений о количестве знамен по основным родам войск Великой армии - пехоте и кавалерии. Соответственно из данных таблицы невозможно установить, к каким родам войск относились захваченные русскими войсками знамена. Без учета данных обстоятельств невозможно воссоздать объективную историю символов воинской чести французских полков Великой армии в военной кампании 1812 г., главным элементом которых являлось бронзовое позолоченное навершие в форме орла отсюда и их официальное название в историографии — Орлы.

Введенная П.А. Чуйкевичем практика использования данных о захваченных русскими войсками символах воинской чести подразделений Великой армии получила продолжение и развитие в одном из первых трудов по истории военной кампании 1812 года, автором которой являлся ее непосредственный участник Д.И. Ахшарумов. Его исследование под названием «Описание войны 1812 года, вышедшее в свет в 1819 г. Подводя итог Тарутинскому сражению, он указал на «одну из знамен», захваченное казачьими полками под командованием графа Орлова-Денисова, без уточнения его принадлежности к конкретной воинской части противника [2, с. 196].

Описывая сражение при Красном, Д.И. Ахшарумов вновь упоминает и число трофеев отдельных отрядов русских войск неприятельские знамена, даже в том случае, когда их захват не подтверждается письменными донесениями. И здесь он ссылается на рапорт, в котором генерал от кавалерии Платов «полагает число убитых чрезвычайно великим и уверен, что кроме взятых орудий должны быть и отбиты и знамена, коих не успели еще к нему доставить» [2, с. 196]. Д.И. Ахшарумов вполне мог уточнить, о каких конкретно знаменах шла речь в донесении. Тот факт, что он не посчитал нужным это сделать, свидетельствует о том, что данная информация играла для него второстепенную роль.

В этом же сражении кавалерийский отряд под командованием генерал-лейтенанта Уварова «отбивает знамена», количество которых и их принадлежность к воинским частям неприятеля не уточняется [2, с. 227]. Трофеями нескольких полков русской армии (лейб-гвардии Егерского, Финляндского, лейб-кирасирского, 2-й дивизии кирасир, Ревельского пехотного полка) стали «три знамена» [2, с. 229]. Однако в дальнейшем ничего не говорится о том, сколько всего и при каких обстоятельствах было взято русскими войсками символов воинской чести неприятеля в сражении при Красном, к каким частям они принадлежали. В дальнейшем описании преследования противника Д.И. Ахшарумов упоминает только о двух штандартах, которые в числе прочих трофеев достались русским войскам в разгроме при Старо-Борисове французской дивизии под командованием дивизионного генерала Партуно [2, с. 263].

В 1837 г. опубликована работа полковника Д. Бутурлина «История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году», в которой так же

затрагивается тема символов воинской чести подразделений Великой армии. Уже сам факт их упоминания в контексте событий военной кампании, служит косвенным подтверждением ее важности. Однако автор не пошел далее и использовал сведения о захваченных русскими войсками неприятельских знаменах только как составной части трофеев, наряду с пленными генералами, пушками и зарядными ящиками. Как правило, эти сведения содержатся не в основном тексте работы, а в примечаниях к ней, что само по себе свидетельствует о том, что для Д. Бутурлина они имели второстепенный характер.

Информация о захваченных символах воинской чести неприятеля в изложении автора чрезвычайно скупа и противоречива. Так, по его данным при захвате Вереи «неприятель потерял одно знамя» [3, с. 22]. Какому контингенту войск из состава Великой армии оно принадлежало, а также обстоятельства его захвата, им не указаны. Зато при описании итогов сражения при р. Чернишне (Тарутинское - И.Г.) идет речь об отбитом у неприятеля «почетном штандарте 1-го кирасирского полка» [3, с. 29]. Следующими трофеями, захваченными казаками Платова в бою с гвардейской кавалерией возле Дорогобужа, стали «два штандарта», без указания их принадлежности к воинским частям [3, с. 77]. В этом же сражении войсковой старшина Тарасов «взял знамя» [3, с. 78].

В сражении при Красном по данным Д. Бутурлина русские войска захватили у IV корпуса под командованием вице-короля Итальянского Е. Богарне «одного орла и одно знамя» [3, с. 99]. Отряд генерала Милорадовича, преследуя I корпус маршала Даву, захватил «одно знамя» [3, с. 104], а отряд генерала Розена отбил у этого же корпуса «два знамени» [3, с. 109]. Однако по приведенным тем же Д. Бутурлиным со ссылкой на сведения из журнала генерал-квартирмейстера русской армии Толя данным, всего в сражении при Красном потери неприятеля составили «три знамя и три штандарта» [3, с. 109]. Кроме того, Лейб-гвардии Уланский полк, в ходе этого же сражения продолжавшегося три дня отбил у III корпуса маршала Нея «одного орла» [3, с. 114]. Гсм не менее, подводя итог череде сражений при Красном, длившихся с по 7 ноября», Д. Бутурлин, перечисляя трофеи, почему-то говорит «о нескольких отменах» [3, с. 118]. Налицо полнейшая путаница не только в количестве шпичепных русскими войсками символах воинской чести неприятеля, но и описании определения их принадлежности к конкретным воинским частям Великой армии. Сведения об обстоятельствах приобретения данных трофеев, за редким исключением, отсутствуют, что не позволяет определить относятся они к числу почетных, то есть отбитых на поле боя, либо просто найденных в брошенных неприятелем или снятых с трупов знаменосцев уже после его окончания

В дальнейшем изложении Д. Бутурлин указывает, что в сражении на Березине IX корпус маршала Виктора потерял «два знамя» [3, с. 259], при деревне Латыголь - «два знамя» [3, с. 266] и в сражении у села Погулянка (в 5 км за Вильно - И.Г.) казаки Платова «отбили два знамя и два штандарта» [3, с. 288]. В конце работы он утверждает, что «россияне отбили у неприятеля 75 орлов, знамен и штандартов» [3, с. 324]. Поскольку в тексте данные по

количеству трофеев данного рода не соответствуют этой цифре, можно предположить, что он ее позаимствовал из работы своего предшественника полковника И. Чуйкевича.

Таким образом, Д. Бутурлин не осмысливал данные о трофейных символах воинских подразделений Великой армии для их использования в своей работе как самостоятельные сюжеты, позволяющие судить о нарастании процесса ее деморализации, ограничиваясь выборочным перечислением захваченных русскими войсками трофеев. В его изложении они выступают как обретенные на поле боя, то есть почетные. Об этом свидетельствуют употребляемые автором глаголы «захвачено», «отбито», характеризующие обстоятельства, при которых данные символы воинской чести стали трофеями русских войск. Данное утверждение использовано с целью не только проиллюстрировать, но и доказать безусловное! и. и полноту их победы над неприятелем, но, поскольку не подкрепляется конкретными примерами, то носит голословный характер.

Вновь вопрос о судьбе знамен Великой армии был поднят в работе военного историка А.И. Михайловского-Данилевского «Описание Отечественной войны 1812 года», впервые опубликованной в 1839 г., а затем еще дважды переизданной. Отличительной особенностью данной работы явилось использование многочисленных, впервые вводимых в научный оборот архивных материалов и также сведений из мемуаров солдат и офицеров Великой армии. Благодаря такому подходу монография А.И. Михайловского-Данилевского до сегодняшнего дня сохранила научно-справочное значение [4, с. 469].

Так, подводя итог Тарутинскому сражению, А.И. Михайловский-Данилевский упоминает в числе захваченных трофеев «одно знамя», но не объясняет обстоятельства его захвата и принадлежность к конкретной воинской части Великой армии [5, с. 243]. Точно такой же подход - констатация самого факта захвата неприятельского знамени без каких-либо авторских комментариев, содержится и в описании боя при Колоцком монастыре [5, с. 342].

При описании сражения под Вязьмой, А.И. Михайловский-Данилевский отходит от позиции беспристрастного наблюдателя и признает, что победы русских войск не подтверждаются захватом в больших количествах знамен неприятеля. По его мнению причиной тому стало то обстоятельство, что «люди, которыми они были вверены, погибли вместе с ними» [5, с. 355].

В дальнейшем изложении А.И. Михайловский-Данилевский продолжает занимать позицию наблюдателя, беспристрастно, но выборочно констатирующей! и захват неприятельских знамен в тех эпизодах, где, по его мнению, это было уместно. Так, в сражении при Красном отряд под командованием генерала Милорадовича захватил у 1-го корпуса маршала Даву «одно знамя» [6, с. 12]. Затем речь идет о захвате в тот же день «3 знамени и 3 штандарта», но без указания на полки русской армии [6, с. 18]. В итоговом же подсчете трофеев, захваченных за все время сражения при Красном с 3 по 6 ноября, о знаменах речи вообще нет [6, с. 281].

Вновь к судьбе знамен Великой армии А.И. Михайловский-Данилевский возвращается при упоминании их сожжения в местечке Бобр. При этом он

ссылается на мемуары главного квартирьера Главной квартиры Наполеона графа Сепора, без анализа их достоверности [6, с. 138].

А.И. Михайловский-Данилевский обходит молчанием вопрос о судьбе знамен Великой армии в сражении на реке Березине. Правда, описывая преследование неприятеля на участке от Молодечно до Сморгони, он, говоря о захваченных русскими войсками трофеях, упоминает «знамена и штандарты», но ничего не говорит об их количестве, обстоятельствах захвата и принадлежности к конкретным воинским частям [6, с. 226]. Точно также он лишь упоминает рапорт маршала Бертье в котором говорилось, что в районе Вильно «при небольшом числе оставшихся знамен брели только по несколько офицеров и унтер-офицеров» [6, с. 264].

При подведении итогов военной кампании 1812 года А.И. Михайловский-Данилевский говорит о том, что трофеями русских войск стало «до 100 знамен и штандартов» [6, с. 310]. Увы, приведенные им ранее в тексте сведения о количестве захваченных знамен, не позволяют считать обоснованной эту цифру.

Таким образом, для дворянской историографии интерес к Орлам французских полков Великой армии был обусловлен стремлением подчеркнуть значимость победы над Наполеоном. Связанные с ними эпизоды использовались в обобщающих трудах по истории Отечественной войны 1812 г. только для иллюстрации побед русского оружия, без выяснения принадлежности трофейных символов воинской чести к конкретным воинским подразделениям Великой армии, а также обстоятельств их захвата.

Как итог, господство такого прагматического подхода не позволило представителям дворянской историографии изучить проблему истории Орлов французских полков Великой армии исходя из того значения, которое им придавал сам Наполеон, то есть как символов незыблемости и непобедимости его империи.

Литература и источники

1. *Чуйкевич, П.А.* Рассуждения о войне 1812 года / П.А. Чуйкевич. - СПб.: Печатано при Сенатской Типографии. - 1813. - 136 с.
2. *Ахшарумов, Д.* Описание войны 1812 года / Д. Ахшарумов. - СПб.: Тип. В. Плавильщикова, 1819.-294 с.
3. *Бутурлин, Д.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году / Д. Бутурлин. - Ч. 2.-СПб.: Военная типография, 1838.-418 с.
4. *Отечественная война 1812 года.* Энциклопедия. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 880 е., илл.
5. *Описание Отечественной войны 1812 года по высочайшему повелению* сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. - 3-е изд. - Ч. 3. - СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1845. - 404 с.
6. *Описание Отечественной войны 1812 года по высочайшему повелению* сочиненное генерал-лейтенантом Михайловским-Данилевским. - 3-е изд. - Ч. 4. - СПб.: Типография Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1843. - 368 с.